

Мария Стародубцева

с. Кытманово,
Алтайский край

Путь домой

Повесть

(Продолжение.)

Начало в № 7–11/2016; № 1, 5–6/2017)

Глава 9

Едем с Никитосом в город, выяснять подробности по нашему делу. Мать сразу сказала, что не выгорит, мы отмахнулись, залезли в автобус и поехали. Мотору страшно сидеть в автобусе, я его подбадриваю, мне-то хорошо, я ничего не вижу. Однако тот доктор был прав, даже в темноте можно найти свои плюсы – тебе ничего не страшно. Автобус трясётся на ухабах восемь часов, музыки в телефоне хватает на пять, остальное время я сплю, привалившись к стеклу, пока Мотор меня не расталкивает. Раньше было наоборот, Никита у нас славился умением спать где угодно и в какой угодно позе, хоть вверх тормашками, мы же с Гуглом торчали в поездках, как штыки, и молили небеса о скором приезде, а он всё

никак не наступал. Алина с нами ехать не согласилась, сухо отказалась по телефону. Её нетрудно понять, она как можно скорее пытается обо всем забыть, Никита говорил, у неё уже есть какой-то парень, они иногда вместе гуляют по центру нашего городка, а Мотор шатается там же на байке и от нечего делать шпионит за всеми подряд.

Вообще мы думали, что в отделение нас пустят сразу и направят в прокуратуру. Сидели мы там, в итоге, как дураки, два с половиной часа, на ночь глядя, пока Мотор звонил приятелю в отдел, пока тот звонил дежурному, пока я заказывал комнаты на вокзале на ночь. Сказали прийти на следующий день; мы вернулись на вокзал и свалились, даже не раздеваясь.

Утром лил дождь, о котором в Интернете на сайте погоды не было ни слуху ни духу. Дождь нам нипочём, мы упрямо ломанулись в прокуратуру, где нас встретил никитосский блатной приятель и посоветовал возвращаться домой. Он искал материалы дела, они в архиве, дело закрыто и воскрешать его никто не собирается. Мы нажали, сказали, что явились на приём к прокурору Центрального района Екатеринбурга, в чьё ведомство входит вокзал и кольцевая трасса, и не уйдём. Никита пригрозил пикетом под окнами, этот Андрей Ильич только посмеялся и заявил, что к прокурору попадают по записи.

– Ну так запишите нас, – мрачно предложил я. – Если потребуется, мы действительно выйдем под ваши окна с плакатом, мы лично заинтересованы в новом рассмотрении дела. Достаточно на нас взглянуть.

– Я прекрасно понимаю вашу ситуацию, – вежливо ответил младший сотрудник прокуратуры, – но и вы меня поймите. Я послал запрос в архив, мне передали папку с материалами, но дело закрыто за недостатком улик. Водитель вашего автобуса погиб на месте, водитель легковой машины «рено» умер по дороге в больницу, водитель джипа дал показания и был отпущен под залог. По воссозданной схеме происшествия виновен водитель автобуса, именно он выехал на

встречную полосу, но он мёртв. Сами понимаете, судить некого, родственников у него не осталось, зачем зря поднимать шум?

– Но я могу подтвердить, – говорю я, – что наш автобус выскочил на встречу не сразу и не по своей воле: нас вытолкнул джип, выруливший сбоку, нас практически выдавили на встречную полосу. Я сидел на седьмом месте, оттуда мне прекрасно была видна дорога.

Андрей Ильич вежливо усмехается, Никита пихает меня локтем в бок, чтобы меня не слишком заносило, приходится подчиниться.

– Вам любой скажет, что эти показания бессмысленны. Здесь ваше увечье сыграет против вас, сами посудите, Виктор, как вы докажете, что в тот момент, когда автобус ехал по встречке, вы уже не были слепы? Ведь в медкарте не указывают точное время потери зрения. А значит, теоретически, вы могли сесть в автобус уже слепым.

– Вы что, с ума сошли? – злобно говорю я. – По-вашему, мне авария приснилась, да? В моей медкарте сказано, что причиной потери зрения стали осколочные ранения и повреждения зрительного нерва (это в своей карте я наизусть уже вызубрил), осколки лобового стекла порезали мне глаза и всё лицо, а по-вашему, я сам их себе, что ли, резал?!

– Успокойтесь! – раздражённо отвечает чёртов мент. – Не установлена чёткая причинно-следственная связь между вашей слепотой и аварией. И с вами, Никита, то же самое, ваша рука могла быть повреждена в другом месте. А это ставит под сомнение вашу заинтересованность. Соответственно, производство по делу не может быть возобновлено по вновь открывшимся обстоятельствам.

– Дурдом какой-то, – выдыхает Никита, расшагивая по отделанному плиткой коридору, где мы и торчим, нас даже в кабинет не пустили. – Того водителя джипа по-быстрому увезли, чтобы его никто не смог привлечь, взять на месте. Не иначе, вам просто тупо позвонили и сказали, не ворошить дело, так? Я отлично видел того

парня, бледного, перепуганного и явно пьяного, и я заявлю это на суде!

– Я тоже видел его, пока не отключился, – подтверждаю я. – Его погрузили в «скорую», наверняка специально пригнанную, а вокруг стояло штук пять таких же машин и закрывало его от нас, корчащихся на асфальте! Андрей Ильич, вас такие сведения не напрягают?!

– Очень смешно, господа! – холодно говорит Крымов. – У меня нет времени слушать ваши бредни и домыслы. Вы можете сидеть под окнами прокуратуры хоть до завтра, пока вас не выгонят, как участников несанкционированного пикета, и скажите спасибо, что я не даю хода наверх вашим сплетням и оскорблениям прямо сейчас, да что я хотя бы не зову охрану и не вытаскиваю вас к черту, вы меня поняли? Мне плевать на ваши соображения, они ничем не подтверждены и не подтвердятся, вас просто не будут слушать.

– Да вы уже оправдываетесь! – насмешливо говорит Никита и тянет меня прочь за локоть. – Пошли вы все!

Мы быстро уходим. К прокурору нас не пустили, удалось только поднять скандал в коридоре с младшим сотрудником, с какой-то мелкой сошкой! Куда теперь?

– Может, добьёмся заведения нового дела? – ободряюще говорю я. – Подадим иск в районный суд?

– Мы даже не знаем имён тех, кто с нами ехал, – Мотор раздражённо пытается закурить, рука у него дрожит от злости. – Кого привлекать как свидетелей? Плюс ему точно позвонили и сказали, чтоб нас выгнал! Поэтому он такой смелый. Чёрт, ведь год назад был нормальным, мы на одних трассах на байках гоняли, что с ним случилось?

– Деньги случились, – усмехаюсь я. – Чёрт, куда ни ткни – тупик. Свидетелей нет, номеров джипа мы не знаем, сами сидим между небом и землёй, тебя хоть осенью на работу в фирму возьмут, а мне вообще стена глухая. Даже денег на суд нет, на все эти иски. Неужели придётся вернуться и замолчать, неужели их так и не накажут?!

– Что ты на меня-то орёшь? – сплёвывает на землю Никита. – Кого их? Нам даже обвинить некого, мы того парня одним глазом видели, и то тебе уже не верят. Материалы нам не выдадут, нет полномочий, из прокуратуры нас выперли, а суду плевать глубоко и надолго. Придётся сдаться, Вить, я лично выхода не вижу!

– Обидно, – как-то по-детски говорю я, – мы инвалидами остались на всю жизнь, а непонятно кто в этом виноват. Может, мы сильно долго тянули?

– Не важно. Все равно надо было поставить тебя на ноги, да и мне оклематься, чтобы идти сюда. Плакаты рисовать не будем, а про звонки Крымову придётся забыть, мы же не параноики, чтобы орать на улицах беспочвенные домыслы о всемирном заговоре. Болото, гнилое болото! – он со злобой пинает ногой какой-то камень, улетающий в прохладный, наверняка красный закат, предвещающий ветер. Город струится вокруг нас, а мы выключены из него. Чёрт, почему виновных не накажут? – бьётся в голове детский вопрос обиженного мальчишки. Мы видели, как джип на скорости прижимал нас на встречу, видели, как его занесло, и он протаранил автобус, а уже мы задели вторую иномарку. Мы видели, только вот никому это не надо, и придётся заткнуться и промолчать, только на кухне орать, что следователю позвонили богатые родственнички парня на джипе и приказали закрыть дело, не имея никаких доказательств. В одиночку никак, а привлечь нам некого и, самое главное, не на что. Может, кто-то из пассажиров тоже хочет добратся до справедливости, но мы об этом не знаем.

Домой мы возвращаемся на ночном рейсе и почти не разговариваем. Не о чем. Проигрыш обсуждать бесполезно, Никита не хочет снова лезть на рожон, ему одного раза хватило, а у меня ещё остались мозги, чтобы не сидеть под окнами прокурора с плакатом в одиночестве. Это банальная глупость, больше ничего. Бесит: двадцать два человека погибли, а дело тупо спустили на тормозах без всякой видимой причи-

ны. Закрыли по причине смерти главного подозреваемого и недостатка улик. Можно сидеть дома и медленно гнить, но мы не станем этого делать, мы не имеем права! Уже дело принципа: выкарабкаться, восстановиться полностью, доказать, что мы не умерли, не сгорели, мы живы, почему же нас не слышат? Впрочем, подобный вопрос задавать глупо, я не люблю риторические восклицания, хотя явно погряз в них. Мы вместе, но мы же и одиночки, у нас никого нет за спиной, нас можно спокойно топтать в грязь и никто не заступится, никто стыдливо не отведёт глаза. Наша драма проста, без ужасов и спецэффектов, мы просто незаметны, нас не слышат, но как нам сделать, чтобы услышали?! Мы сделали одну попытку, но повторять её бесполезно, и мы это понимаем.

А через два дня Никиту убили. По-идиотски убили, как в дешёвом боевике, застрелили на окраине Североуральска, пока он тренировался на своём байке на пустыре. Мы с матерью помогали организовывать похороны, на них пришло-то человек шесть, не больше. Я, мама, его мать, отец приехать не смог, Жека со Стасом, Тимур, и всё. Кто-то пытался говорить, скомкал слова и торопливо ушёл прочь, мать Никиты едва не прыгнула в могилу, когда опускали гроб, я понял это по раздававшимся там крикам. Слишком дешёвое проявление горя, цинично думал я, держась за зонт, по которому стекал ливший в тот вторник, три дня назад, дождь, Никите бы не понравилось такое обращение. И мать поняла это, убежала с похорон, все убежали, не выдержав. Я теперь вообще не знаю, что делать и куда обращаться. Ходил с матерью в полицию, там сказали то, что и ожидалось: свидетелей нет, следов толком тоже, на пустыре нашли следы джипа, но никто его не видел, ну да, он летающий был и испарился к чёрту! Опять джип, и они ещё хотят убедить меня, что это совпадение?! Я звонил в прокуратуру, попал на этого Крымова, который, мягко говоря, меня послал. Чёрт, Никита, я за тебя и отомстить не могу, глухой тупик повсюду!

Тупик, тупик, тупик! Кто покрывает того водителя джипа, кто убил моего лучшего друга, за которого я сейчас пью с матерью водку не чокаясь, кто виноват в том, что наши жизни поломаны, как мост на Вагране?! Бесит, что я не могу ответить ударом на удар, я слеп, во всех смыслах. Темнота, сплошная темнота, неужели остаётся надеяться только на небесную кару, я же никогда ни в кого не верил? И не поверю, это только расслабляет. Мать Никиты хочет уехать к мужу, её здесь ничто не держит, мы с матерью остаёмся одни. Нас было четверо, остался я один, и никто не будет наказан. Есть от чего сойти с ума, но на это я точно не имею права! Мы только начали возню, и Никите сразу же заткнули рот, навеки заткнули. Значит, в деле замешаны известные люди и тем меньше мои шансы. Неужели придётся замолчать и забыть, неужели нет никакого выхода?!

Стоим у окна тренажёрки с Жекой, он курит, и ветер несёт дым сигарет на меня. Курить начать, что ли? В окно просовываются вездесущие берёзовые ветки, клейкие от смолы, тонкие, раскачивающиеся слегка.

– Быстро они ему рот заткнули, – задумчиво говорит Женька, – непонятно за что. Прикроют лавочку, скажут, что из-за долгов грохнули, и концы в воду. Меньше народу, больше кислорода, так получается?

– Бой с тенью, – вяло откликаюсь я. – Противник неизвестен, цель неизвестна, куча погибших, тоже неизвестных, и стена вокруг. И сам полезешь – не выберешься. В одиночку много не навоюешь. Придумываешь себе иллюзорный мир, где все хорошо, а тут...

– Уж лучше сказки, чем такая реальность. – Жека выбрасывает сигарету в окно. – Зачем сражаться с системой, забей на неё. Будь лжереалистом, Витёк, мы живём в мире, который нам отвели, зачем лезть за его пределы и стонать про кровь убитых, взывающую об отмщении? Лучше наш мир, чем их, лучше спокойствие, пусть в неведении, чем уютный гроб на кладбище.

– Глупо, – отрезаю я.

– Жизнь сама по себе штука глупая, – усмехается он, закрывая окно. – Зачем лезть на нож зря, если можно свернуть в сторону?

– Нет, неправильно. – Я прислоняюсь к холодному оконному стеклу, вслушиваясь в грохочущую в тесном зале качалки музыку. – И дело не в крови с отмщением и не в справедливости, просто так нельзя – забиться в нору и сидеть. Я в такой норе третий месяц сижу, вокруг меня возвели стены стеклянного колпака дружбы, чтобы внутрь не попадала грязь и боль реальности. Вы сговорились не давать мне задумываться о проблемах, не давать впадать в уныние и депрессию, отвлекать меня и не давать расслабиться. Вы опекаете меня своей дружбой, я начинаю понимать, что был бы беспомощной куклой без вас. Реально спасибо, но... но я не хомячок, которого можно посадить в пластмассовый шар, чтобы он бегал по квартире и никто его не раздавил, меня нельзя держать в теплице. Нужно бороться, нужно барахтаться в нашем болоте, подавать иски, только для этого надо сначала встать на ноги, иметь что-то за душой. Ты становишься злее, когда тебе есть что терять, вот что правильно.

– Витёк, ты с жиру бесишься, – серьёзно говорит вдруг Женька. – Нет никакого стеклянного колпака, есть мы, все вместе. Ты параноик, раз думаешь о всемирном заговоре, и дурак, раз обвиняешь нас в том, что мы тебе помогли. – Он не обращает внимания на мои возражения, только отмахивается. – Похоже, Никита был прав, говоря, что ты сумеешь быстро оправиться от удара, тебя только нельзя бить снова в то же место. Мы с тобой в любом случае, это не обсуждается. Братство тренажёрки, – он смеётся, глядя на меня весёлыми глазами. – Мы только помогли тебе сделать первый шаг, дальше сам полезешь! А раз не хочешь, чтобы мы от тебя отстали, так сиди и молчи в тряпочку, ха-ха-ха.

– Жека, ты прямо философ, – усмехаюсь я в ответ.

(Продолжение следует)